

социальных стереотипов // Вопр. психологии. 1986. № 1. С. 96

10 Спицын А.И. Социально-экономическое регулирование миграционных процессов населения в регионе // Миграционные процессы в Оренбуржье: проблемы экономического регулирования и социальной адаптации переселенцев. Оренбург, 2004. С. 4; Дубовый Л.М., Константинов В. В. Психологические проблемы компактно проживающих вынужденных мигрантов // Психологические проблемы профилактики экстремизма в

русском обществе: Сб. мат. всероссийской науч.-практ. конф. – Пенза, 2002. С.15-16; Кутепова Л. В. Особенности миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе: социологический аспект // Диссертация на соискание учёного звания канд. социол. наук, Екатеринбург, 2000, С. 81; Космарская Н. П. «Женское измерение» вынужденной миграции и миграционное законодательство России // Проект «Гендерная экспертиза» Московского центра гендерных исследований. – М., 1998

11 Берн Гендерная психология СПб, 2001. www.book-price.ru/book-16053.html

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДИСКУРСИВНОЙ АССИМИЛЯЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ)

Трахтенберг А.Д

Трахтенберг Анна Давидовна
кандидат политических наук, старший научный
сотрудник Института философии и права
УрО РАН

28 июля 2003 г. Президент России подписал указ, закрепляющий в Конституции РФ новое наименование Ханты-Мансийского автономного округа – «Югра». Согласно этому указу, в то время как наименование «Ханты-Мансийский автономный округ» обозначает вид субъекта РФ как государственно-публичного образования с собственным именованным названием, «Югра» содержит в себе указание на историческо-территориальную принадлежность указанного государственно-публичного образования, обладающую самобытными национальными традициями проживающих на этой территории народов. На общегосударственном уровне данный указ прошел практически незамеченным.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что по

форме перед нами типичный случай восстановления «исконного», традиционного названия территории (по аналогии, например, с «Республикой Саха – Якутия» или «Башкортостаном»). Однако в качестве исконного было выбрано старинное новгородское название северных земель Приуралья и Зауралья, не выдержавшее (как и сам Господин Великий Новгород) конкуренции с московским названием «Сибирь» и вышедшее из употребления уже к XVI веку. Президентским указом это название было присвоено административному образованию, созданному в 1930 году в рамках реализации ленинско-сталинской национальной политики на базе ряда районов Тобольского округа Уральской области, населенных ханты и манси.¹ Дополнительной причиной создания национального округа стала вполне прагматическая потребность создать территориальные органы управления «кулацкой ссылкой», одним из центров которой стала будущая «Югра».

С точки зрения теории дискурса и ментальной географии, добавление одного слова в название субъекта федерации – название, которое постоянно фигурирует во всех официальных документах, как внутриокружных, так и направляемых в федеральный центр – представляет собой весьма значимое явление. Тем самым на федеральном уровне были закреплены результаты конструирования постсоветской региональной идентичности, осуществленного в одном из ключевых в экономическом плане субъектов федерации. Естественно, президентский указ отнюдь не означал завершения этих процессов, однако свидетельствовал о том, что региональная элита добилась получения еще одного важного статусного признака, что было важно как тактически (учитывая продолжающееся противостояние с тюменской элитой, стремящейся ликвидировать

автономные округа, входящие в состав Тюменской области²), так и стратегически.

За сменой названий скрывается сложный процесс конструирования региональной идентичности и соответствующего «воображаемого сообщества» в условиях сначала Советского Союза, а затем постсоветской России. Данный процесс осуществлялся региональной элитой путем перестройки и переосмысления целого набора дискурсивных практик с ориентацией на нормативную модель «полноценного субъекта федерации», наделенного стандартным набором основных регионообразующих критериев и культурных институтов (региональный университет, театр, музей, издательство, библиотека и т.п.). Необходимо было обосновать свое право на «исконное название» Югра, не имеющее ничего общего с возникшим в рамках советского административного дискурса Остяко-Вогульским национальным округом.³

Чтобы понять, как это стало возможным, необходимо рассмотреть, как была осуществлена ассимиляция традиционного дискурса населявших «Югру» обских угров. Именно это и является предметом рассмотрения в настоящей статье.

Совершенно очевидно, что сами обские угры (термин, возникший, когда ханты и манси попали в поле зрения финских и венгерских филологов, занимавшихся конструированием финской и венгерской национальной идентичности⁴) никакой «Югры» не знали. Несмотря на спорность вопроса об уровне развития, достигнутом ханты и манси к моменту русской колонизации, исследователи единодушны в том, что между жителями рассеянных в тайге поселений постоянно происходили военные столкновения («миролюбие туземцев» - это такая же часть просветительского руссоистского дискурса, как тезис об их «детской простоте» и близости к природе), а сознание принадлежности к единому «воображаемому сообществу» отсутствовало. Как резонно замечают этнографы, «как вообще могло возникнуть чувство этнического самосознания у людей, распыленных по таежным поселкам, отстоящим один от другого на десятки километров?».⁵

В рамках того этноса, который известен как ханты, до сих пор выделяются две группы, имеющие разные самоназвания (западная – hante и восточная – qenteh) и распадающиеся на большое число территориальных подгрупп; члены каждой из них говорят на своем диалекте, и эти диалекты нередко взаимно не понятны. Безусловно, первичная символическая идентификация на уровне «мы – они» у ханты существовала, но граница между «мы» и «они» проходила не по линии «ханты – все остальные», а по линии «мы – другие ханты, лесные ненцы» и т.п. Поэтому вполне логично, что когда на Оби появились русские, северные ханты автоматически причислили их к фратрии «Пор», куда входят любые чужаки (в отличие от фратрии

«Мось», в которую входят «свои»).

Ментальная карта окружающего ханты и манси мира строилась по законам мифологического сознания⁶, предполагающего существование нанизанных на мировую ось (мировое древо) и взаимодействующих между собой уровней бытия. Специфика состояла в том, что аналогом Мирового древа на плоскости была священная река Ас-Обь, части которой соотносились с Верхним, Средним и Нижним миром: Верхний мир, где живут боги – верховье Оби, именно из их мира течет вода, вместе с добром, которое они творят; Средний мир – мир людей, берега реки, места жительства, охоты и рыболовства; Нижний мир – низовья Оби, места ее впадения в Ледовитый океан, который называли «поганым морем». Ханты называли себя «народом Реки» («ас-ях»), откуда и произошло старое русское «остяки».

Что касается родовых охотничьих угодий, то границы между ними традиционно проходили по естественным преградам – речкам, озерам и болотам. Точное знание пределов угодий передавалось из поколения в поколение как элемент устной родовой традиции. Следует учесть, что средний размер угодья доходил до шестидесяти тысяч гектаров, что объясняется особенностями охотничье-собиральского хозяйства.

Пространство дополнительно структурировалось через сеть «священных мест» – от локальных женских и мужских культовых мест, посвященных семейным духам-покровителям, до племенных и общеплеменных, посвященных верховному богу Мир-сусне-хуму. Важнейшими из них были Белогорское святилище (неподалеку от современного Ханты-Мансийска) и святилище в Калтыяньских юртах, посвященное Калташ-экве, матери Мир-сусне-хума. Кроме того, объектами сакральной географии обских угров были священные места, связанные с выдающимися природными объектами, даже без наличия в них духов. Главным таким объектом было «небесное озеро» Нумто (нынешний Белоярский район) – место, куда спускался верховный бог. Озеро охранялось многочисленными табу: в нем запрещалось ловить рыбу, рубить деревья и т.п. На Святом острове в центре озера в зимнее время совершались жертвоприношения с закланием оленей, и женщинам было запрещено там появляться.

Попытки разрушения священных мест встречали ожесточенное сопротивление, в чем на собственном опыте убедились как миссионеры Филофея Лещинского в XVIII веке, так и большевики в XX. Как известно, одной из причин «контрреволюционного кулацкого восстания на Казыме» (1933 год) стала как раз организация по инициативе местной култыбазы лова рыбы на озере Нумто. В этой ситуации вступил в силу крайний способ традиционной самообороны – «тропа войны».⁷ В целом, как делают вывод исследователи, «священные места и устные предания о них, являются не только значимыми

культурными символами, но и конституируют этничность хантыйского народа»⁸, т.е. являются главным основанием самоидентификации.

Бросается в глаза явная несоизмеримость сакральной географии ханты и манси с географией «государственной», как имперской, так и советской. Именно поэтому попытки постсоветской окружной элиты ассимилировать сакральную географию посредством *юридического дискурса*, т.е. путем принятия окружного закона о «родовых угодьях» (1992 год) не увенчались особым успехом (хотя в настоящее время около четверти территории Ханты-Мансийского автономного округа относится именно к этой категории). Это произошло не только потому, что окружной закон не был своевременно подкреплен соответствующим федеральным законом, а местные администрации, особенно в восточных, нефтедобывающих районах не особенно стремились выдавать документы, удостоверяющие права на «родовые угодья», но именно в силу особенностей дискурсивной практики, связанной со «священными местами».

Н.И. Новикова приводит характерный пример: «При определении границ родового угодья, они были проведены так, как настаивали нефтяники. Ненцы хотели оставить за собой участок земли, которая является священной. Но они даже не говорили об этом во время переговоров, так как священную землю нельзя называть [курсив мой – А.Т.]. Они просто говорили, что эту землю нужно оставить им. Доводы нефтяников оказались более убедительными для администрации».⁹ Вполне понятно, что в рамках рационального бюрократического дискурса такого рода ритуальное умолчание не воспринимается как особая дискурсивная практика (хотя бюрократический дискурс предполагает и требует наличия других умолчаний).

Дискурсивная ассимиляция сакральной географии в ходе постсоветского конструирования региональной идентичности была осуществлена другим способом – через *музейно-археологический дискурс «великого прошлого»* и превращение элиты в легитимного хранителя этого прошлого.¹⁰ Хантыйские и мансийские священные места превратились в «музеи под открытым небом» (напр., «Мах сир озуен ях» в р.п. Новоаганск – бывшие юрты Айпинские и святилище Оуэн-ими – покровительницы реки Аган; урочище «Зимние Совкунины» на реке Малый Салым и пр.) и заповедники (напр., природный парк «Нумто» или природно-исторический парк «Пунси», в котором, как с удовлетворением отмечает путеводитель по округу, «ханты сохраняют традиционный уклад жизни»).

Параллельно в округе начались интенсивные археологические раскопки, в ходе которых происходило открытие новых «священных мест», таких древних, что современные ханты и манси о них либо вообще не помнят, либо не в состоянии их локализовать. Наиболее показательный в

этом плане пример – городище Эмдер на реке Ендырь близ города Нягани, отождествленное с легендарным Эмдером хантыйских богатырских сказаний по той же схеме, по которой Г. Шлиман отождествил раскопанное им поселение на холме Гиссарлык с гомеровской Троей.¹¹

Характерно, что Эмдеру в результате и был присвоен статус «Сибирской Трои» времен «золотого века» Югры (XII – XVI вв.)¹². Это позволяет говорить о практически классическом случае конструирования самоидентификации исходя из западной нормативной модели. Статус достигается через целую серию дискурсивных уподоблений: хантыйское городище уподобляется «крепостенному граду Приама», хантыйские богатырские сказания, записанные в XIX веке С.К. Паткановым – «Илиаде», и, кроме того, возникает «золотой (т.е. дорусский) век Югры».¹³

В рамках логики дискурсивной диссимилиации вполне логично выглядит «принятое Администрацией города Нягани решение о воспроизведении в черте города историко-археологического памятника — средневекового городка Эмдер».¹⁴ Под воспроизведением имеется в виду строительство «историко-музейного и культурно-досугового центра «Древний Эмдер», который должен стать культурным центром города, возникшего в ходе нефтяного освоения на месте поселка лесозаготовителей. Авторы проекта убеждены, что тем самым они *возрождают* традицию, а не конструируют ее заново.

Итогом ассимиляции хантыйской и мансийской сакральной географии стала не только легитимация региональной элиты как хранителей музеифицированной культуры «обских угров», но и включение этой географии и культуры в *туристский дискурс*. В результате появляются тексты, в которых туристам предлагается краткий комpendиум хантыйской культуры в легитимной для туристского дискурса потребительской форме: «Урочище Барсова гора. Это комплекс археологических памятников под Сургутом от эпохи камня до позднего средневековья и нового времени. На территории урочища находится 60 городищ, ряд неукрепленных поселений и до 2000 жилищ, 5 могильников, святилища, часть которых почиталась ханты до недавнего времени. На туристов оставят неизгладимые впечатления вороний и медвежий праздники, языческие пляски, свежая оленина в кипящих котлах, общая трапеза на поляне. Гостям предлагается большой выбор сувениров: олени рога, кисы (очень нарядная мягкая зимняя обувь, сшитая жилами из шкур оленя), берестяные туеса, охотничьи ловушки, циновки, фигурки идолов, маски, бубны, лисьи черепа, сухие лечебные травы и ягоды, кедровые орехи. В зимнее время сафари на оленьих упряжках и мотосанях. Кроме этого, на Барсовой горе располагается единственный в нашем регионе горнолыжный центр».¹⁵ Таким образом, на основе сконструированной на базе традиционной

сакральной географии идентичности формируется образ региона, предназначенный для восприятия вовне. Если «Ханты-Мансийский автономный округ» для россиян – это прежде всего нефтяные вышки и высокие зарплаты, то «Югра» – это мир древней культуры, находящейся в неразрывном единстве с нетронутой природой.

Безусловно, в процессе конструирования югорской региональной идентичности были использованы не только результаты дискурсивной ассимиляции сакральной географии ханты и манси. Был задействован целый комплекс унаследованных от прошлого дискурсивных практик, возникших в в процессе символического освоения русским государством территории Северного Приобья. Часть этих практик осталась от российского имперского дискурса и противостоящего ему народнического контрдискурса, часть была связана с советским дискурсом в самых разных его изводах, от героического до критического. После отбора и перекодирования они образовали тот особый язык, в рамках которого и стала возможна «Югра» как особый регион Российской Федерации.

1 «Ханты-Мансийский автономный округ - Югра находится в границах, существовавших на момент вступления в силу настоящего Устава и определенных постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 года «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» («Устав Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», гл. 1., ст. 4, п. 2, http://www.admhmao.ru/pravo/frame_2.htm).

2 В данной работе мы не будем касаться юридических аспектов казуса сложносоставленного региона, когда внутри одного субъекта федерации – Тюменской области существуют еще два равноправных субъекта – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Нас интересует региональная самоидентификация внутри уже заданных границ и исходя из заданного статуса.

3 Свое нынешнее название округ получил в 1940 году, а «автономным» стал в 1977 году, после принятия «брежневской» Конституции.

4 Подробнее роль финских и венгерских филологов в становлении «югорского» дискурса рассмотрена в: *Трахтенберг А.Д.* «Югра же людье есть язык нем»: опыт исторического анализа дискурса // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 6. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, 2005 (в печати).

5 *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И.* Легенды и были тасжного края. Новосибирск, 1989. С. 76.

6 Автор выражает Е.А. Горобинской благодарность за возможность воспользоваться рукописью книги «Мифология обских угров».

7 Подробнее см.: *Ерныхова О.Д.* Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933-34 г.г. Новосибирск, 2003.

8 *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов) // Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 118. <http://www.iea.ras.ru/lib/neotl/07112002062556.htm>

9 *Новикова Н.И.* Традиционное природопользование – право и/или ответственность // Сайт «Юридическая антропология» Института антропологии и этнологии Российской академии наук <http://www.jurant.ru/publ/cust-law2000/novikova.htm>.

10 Ср.: «старинные священные места должны быть инкорпорированы в карту колонии, чтобы их древний престиж (который, если он к тому времени исчез, как зачастую случалось, государство стремилось возродить) перенесся на создателей карты» (*Anderson B.* *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* 11th ed., L., N.-Y., 2002. P. 181 – 182. Мы оставляем в стороне сложный вопрос о том, являлось ли русское освоение Сибири колонизацией, и отметим только явное сходство дискурсивных практик, описанных Б. Андерсоном и зафиксированных нами в «Югре».

11 Напомним, что Г. Шлиман раскапывал общеевропейское «священное место», будучи твердо убежден, что поэмы Гомера представляют собой достоверный и надежный исторический источник, а не «мозаику, в которой разнородные и разновременные исторические факты беспорядочно перемешаны со столь же разнородными мотивами фольклорного происхождения» (*Андреев Ю.В.* *Поэзия мифа и проза истории.* Л., 1990. С. 120).

12 См.: *Зыков А., Кокшаров С., Соколов А.* Сибирская Троя. Городок Эмдер от былины до точки на карте. Екатеринбург, 2004.

13 Тенденция конструировать на просторах дорусской Сибири разнообразные культурные и исторические «Трои» отнюдь не ограничивается Ханты-Мансийским автономным округом. Как известно, утверждение, что предки ханты и манси имели собственные города уже в XII веке, принадлежит крупнейшему хакасскому историку и археологу Л.Р. Кызласову, совершившему «археологическое открытие» Древнехакасского государства. Идеологическая функция тезиса о повсеместном существовании в дорусской Сибири самобытной городской культуры вряд ли нуждается в особом разъяснении.

14 «Древний Эмдер», http://af-studio.nm.ru/emder/emder_concept_ru.html#1

15 Из описания туристского маршрута на сайт нижевартовской туристской-транспортной корпорации «Спутник» // http://www.sputnik-nv.ru/ugra_itinerary_rus.htm